

Нам пишут из волчанского уезда, что председатель волчанской земской управы разослал окрестным помещикам письма, в которых обращается к их частной благотворительности для оказания помощи нуждающемуся сельскому населению, так как нужда отбывших лиц и многих семейств, по случаю скудных урожаев хлебов, остаются недоустроенными и случаи крайне бедственного положения нуждающихся встречаются очень часто.



«Новости» слышали, что с-петербургский градоначальник, генерал-майор Баранов, оставляет свой пост и получает новое назначение; преименом же генерала Баранова, как слышно, будет назначен ныншней одесский градоначальник свиты Его Величества генерал-майор Гейнц.

«Моск. Тел.» передают, что сдано распоряжение о высилке из Петербурга всех лиц не имевших определенных занятий по месту их жительства.

В «Правительственном Вестнике» опубликовано Высочайшее повеление о том, что русские подданные мужского пола, в возрасте от 10 до 18-ти лет, увольняемые за границу без обсуждения причин отлучки и без испрошения Высочайшего на то разрешения.

«Моск. Тел.» передают из Новочеркасска, что разрешение вопроса о примении в Донской области земских учреждений Высочайше возложено на особую выборную комиссию из ста членов всех сословий. Комиссия будет открыта после полевых работ.

«Порядок» сообщает, что в семинариях будут состоять в штатных должностях преподаватели истории раскола.

Срок производства офицеров в чины будет перенесен на 17 апреля. Преобразование медицинской академии совершится летом.

«Русск. Взд.» передают, что наместник кавказский возбудил ходатайство об образовании в пределах Терской области в вид самостоятельной уездной административной территории, особого округа кавказских минеральных вод. В округ этот предполагается включить: гор. Пятигорск, станции: Горячеводскую, Ессентукскую, Кисловодскую и Бурзуфскую; селения: Желзноводное, Кисловодское и Михайловское; колонии: Константиновскую, Николаевскую и Шотландскую; железнодорожную станцию «минеральных вод» и, наконец, район кумагорских сибирно-починных источников, находящийся ныне в составе ставропольской губернии. Проект этот вызывается, по объяснению главного начальства края, необходимостью сосредоточения и усиления полиции в округ минеральных вод, привлекающих к себе в летний сезон значительное количество жителей; на отпуск же необходимых для осуществления означенных предположений сумм, в размере 17 тыс. руб. в год, министерством финансов уже изъявлено согласие.

«Нов. Вр.» сообщает, что в пятницу, 3-го апреля, обер-прокурор святишного синода К. П. Пободоносцев посетил петербургскую духовную академию. К собравшимся в актовом зале профессорам и студентам г. Пободоносцев обратился с глубокою прочувствованною речью, содержание которой вращалось около страшного события 1-го марта. К. П. указал на причины таких прискорбных явлений и говорил о том, что человек от недостатка смирения очень легко может возгордиться и совратиться с истинного пути; к этому нужно присоединить не сдерживаемые порывы молодости и дурные примыры. Очертив современное положение дьяла, г. Пободоносцев высказал надежду, что молодые люди будут серьезно относиться к науке и жизни, а не увлекаться вредными влечениями.

По словам петербургских газет, на Семеновском плацу, где была совершена казнь над царевичем, собралось до 60,000 человек.

Из Карса в «Русский Курьер» пишут, что там и в Кавказе появилась какая то болезнь очень серьезная. Смертность громадная. Многие уезжают оттуда в Александрополь.

Из Одессы в газету «Заря» сообщают, что там судебным следователем по особоважным дьялам недавно закончено предварительное следствие о бывшем киевском купце Кравцов, обвиняемом в злостном банкротстве на сумму до 200,000 руб. Дьяло это, по словам упомянутой газеты, общается быть интересным. Оно тянется с 1875 года, причём обвиняемый успел уже отсидеть в тюрьме с перерывами всего три года. Всех привлеченных по этому дьялу к ответственности 15 человек.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Дьяло о совершенном 1-го марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозь почивший Государь Император Александр Николаевич *).

(Заседание особого присутствия правительствующего сената для рассуждения дьяла о государственных преступлениях).

Заседание 28-го марта.

(Продолжение).

Возвращаясь к событиям, происходившим в квартире в доме № 5-й, по Тельной улице, следует упомянуть, что человек, задержанный в ней утром, 3-го марта, оказался подсудимым Тимофеем Михайловым. Прибытие его в конспиративную квартиру, его вооруженное сопротивление, его отказ объявить о своем звание, вся обстановка его задержания прямо указывали на него, как на одного из лиц, которых круг, исходящий из злодеяния 1-го марта, должен был обнимать собою.

4-го марта обнаружен подполк по Малой Садовой. Вы помните обстоятельства этого обнаружения. Из сироты лавки Кобозева, помещающейся в подвальном этаже дома графа Мендгена, странным образом 3-го марта исчезли хозяева лавки, навлекшие и прежде на себя подозрения. Из лавки Кобозевых, как оказалось по осмотру, был устроен подполк: пробито было отверстие под окном подвального помещения, смежного с лавкою, и от этого отверстия проведена минная галерея, устроенная по всем правилам технического дьяла под мостовую Малой Садовой. Цель подполка, его назначение—по одному даже поверхностному обозрению, представлялся совершенно ясным: по Малой Садовой имела привычку пробавлять покойный Государь Император в Михайловский манеж, и проведенная из лавки Кобозевых подземная галерея находилась на его пути, в ней заложен был заряд чорного динамита, а в лавке приготовлена была батарея, посредством которой мог быть произведен взрыв. На случай, если бы взрыв не удался, сданный были другие приготовления для покушения, к несчастью, удавшегося. Чтобы не возвращаться более к подполку Малой Садовой, имбюемому эпизодическое значение в настоящем дьяле, я постараюсь в немногих словах очертить перед вами все к нему относящееся. Вы удержали, конечно, в памяти, что по подполку, при его обнаружении, все оказалось готовым: заряд, заключавший около двух пудов динамита, был положен; в галерее сдана забивка; элементы батареи уже действовали; концы проволок были заострены—оставалось только произвести то и взрыв послышался бы непременно. Действие взрыва, подготовленного в подполке, о котором во вчерашнем заседании так много шло пререканий между экспертизой и подсудимым Кибальничем, было бы, чтобы ни говорить подсудимым, убийственное. Образовалась бы по средине Малой Садовой улицы воронка около трех сажен в диаметре и все находившееся на месте ее и вокруг должно было погибнуть: погибли бы экипажи, люди, его сопровождавшие, и люди, проходившие по тротуару, в домах обвалились бы штукатурка, стьны могли дать трещины, словом, область разрушения должна была быть велика. Правда, подсудимый Кибальнич много говорил на суд о том, что он, давний технический советник при устройстве подполка и заложения мины, старался, не более не менее, как о минимальном количестве заряда и о минимальном, следовательно, вреде от взрыва для частных лиц. Но если даже он старался—старания эти, как удостоверяют эксперты, не увенчались бы успехом. Не следует далее упускать из вида, что, по объяснению лавки Кобозевых, оказались сироты, на которых, по обозрению и слышанию, найдено, по крайней мере, на некоторых то самое клеймо, которое было на сироте, найденных в квартире Желябова. Очевидно, что Желябов или продовольствовался этими сиротами из лавки Кобозева, или поставил их в лавку. Таким образом, во всяком случае, между лавкою Кобозева и квартирою Желябова уже устанавливается связь. Затѣм, все свидѣния о Кобозевых, которых я не буду повторять, явно ложная обстоятельство мнимой их торговли, посѣщение их подозрительными людьми, наконец, исчезновение их 3-го марта, послѣ обыска в Тельной улицѣ, свидѣлствуют о том, что в лицѣ Кобозева и его жены мы имѣем прямых участников злодеяния 1-го марта. Этимъ, впрочемъ, указанія на виновных не исчерпываются.

Черезъ недѣлю послѣ обыска в Тельной ул., 10-го марта, на Невском проспектѣ, по странной случайности, в той же мѣстности события, противъ Екатеринбургскаго сквера, околочнымъ надирателемъ Широковымъ была за-

*) Изъ «Правительств. Вѣстника».

держана женщина, которая съ перваго же слова захотѣла откупиться взятою въ 30 руб. А когда это не удалось, должна была признать, что она сожительница Желябова, Лиды Войнова, въ дѣйствительности же.—Софья Перовская. У Перовской большое революціонное прошлое. Она розсказывалась по обвиненію въ покушеніи на жизнь усопшаго Государя Императора 19-го ноября, послѣдовавшаго на другой день послѣ александровскаго покушенія на курской жел. дор. подъ Москвою. Это прошлое, во всякомъ случаѣ указывало на нее, какъ на лицо, вѣроятно, принимавшее въ злодеяніи 1-го марта участіе. Кромѣ того, отношенія ея къ Желябову были также основаны на дѣлѣ того, чтобы производящее изслѣдованіе остановили на ней особое вниманіе. Рядъ свидѣлскихъ показаній не замедлилъ установитъ между подсудимыми и обвиняемыми тѣсную связь и близкое знакомство. Такъ, Рысаковъ бывалъ у умершаго Ельникова. Посѣщенія эти удостовѣряются показаніемъ служанки квартиры послѣдняго Смѣлковой, видѣвшей Рысакова у Ельникова еще 26-го февраля, принадежающимъ Рысакову, и найденнымъ у Ельникова. Подсудимый Желябовъ бывалъ иногда, какъ признаетъ та же Смѣлкова, у того же Ельникова вмѣстѣ съ Рысаковымъ и Перовской. Желябовъ бывалъ и въ лавкѣ Кобозева; это удостовѣряется старшимъ дворникомъ Самойловымъ и его подручными Ульяновымъ, которые, хотя и мелькомъ, но видѣли, замѣтили его и признали, не смотря на то, что Желябовъ, по его словамъ, такъ ловко можетъ измѣнять свою наружность, костюмъ и походку. Свидѣтели признали его здѣсь на судѣ, да и самъ Желябовъ не отвергаетъ того, что онъ былъ въ числѣ ночныхъ работниковъ, готовившихъ подполк. Намъ всѣмъ памятно, какъ вчера Желябовъ съ особымъ усердіемъ останавливался на показаніи этихъ свидѣтелей, хотѣлъ ихъ сбить, указывая на мелкія неточности ихъ показаній, на невозможность имъ поправить, на несообразность ихъ вывода. Вѣроятно, у васъ, мм. гг., мелькнулъ въ головѣ вопросъ: «Да почему же Желябовъ все это дѣлаетъ, когда самъ признаетъ, что бывалъ у Кобозева и работалъ въ подполкѣ?» Отвѣтъ прямой: «Ему это нужно не для самого себя, а для Тимофея Михайлова, чтобы, по возможности, его выгородить изъ дѣла и снять съ него обвиненіе, которое надъ нимъ тяготѣетъ».

Умершій Сабинянъ также бывалъ у Рысакова, по крайней мѣрѣ, въ трупъ его хоз йка квартиры Ермолина признава сходясь съ нимъ лица, посѣщавшаго Рысакова. Дѣла, Гесса Гельфманъ также была у Ельникова, три раза, по показанію Смѣлковой, не заставая его дома и оставила ему записку. Подсудимый Михайловъ бывалъ въ лавкѣ Кобозева, по удостовѣренію цѣлаго ряда лицъ. Видѣли подозрительныхъ людей, приходившихъ къ Кобозеву, дворники и сказали о нихъ околочному Дмитріеву, которому было поручено вообще наблюденіе за лавкой и который одного изъ этихъ лицъ прослѣдилъ по выходѣ изъ лавки. Онъ видѣлъ, какъ этотъ человекъ вышелъ на улицу и направился къ Невскому. Дмитріевъ, въ этомъ лицѣ, здѣсь, на судѣ, положительно призналъ подсудимаго Михайлова. Онъ прослѣдилъ его до извозчика, такъ называемаго «лихача», котораго Михайловъ нанялъ къ Вознесенскому мосту, и на другомъ лѣстницѣ побѣжалъ за нимъ, но потерялъ его изъ виду. Извозчикъ Гордінъ, показаніе котораго вы слышали и который отвозилъ Михайлова, точно также, по росту и сложенію, призналъ подсудимаго Михайлова за того человека, который его нанялъ за рубль къ Вознесенскому мосту, и потомъ велѣлъ отвезти себя въ Измайловскій полкъ. Онъ не признавалъ его только по голосу, по голосу есть признакъ для признанія личности весьма шаткій. Если подсудимый Желябовъ такъ хорошо мѣняетъ походку и наружность, то можно предполагать, что и Михайловъ, въ числѣ прочихъ свидѣний, въ революціонной партіи добытыхъ, пріобрѣлъ и усвоилъ себѣ свѣдѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ измѣнять свой голосъ, въ особенности, при томъ условіи, что ему пришлось сказать извозчику лишь нѣсколько словъ. На основаніи приведенныхъ мною данныхъ, я считаю удостовѣреннымъ тождество Михайлова съ лицомъ, посѣщавшимъ лавку Кобозева. Затѣмъ, Перовская также бывала у Ельникова вмѣстѣ съ Желябовымъ. Они сошлись 26-го февраля, придя къ Ельникову вмѣстѣ съ Рысаковымъ, и ушли нѣсколько раньше Рысакова. Отсюда выводъ весьма простой и категорическій. Участники злодеянія 1-го марта обнаружены, ихъ можно перечислять по одному, можно указать на каждого въ отдѣльности, безъ всякой ошибки. Это: во первыхъ—Рысаковъ, вторыхъ—умершій Ельниковъ, третьихъ—Желябовъ, четвертыхъ—Перовская, пятыхъ—Кибальничъ,

который былъ арестованъ 17-го марта, и который сознался, что онъ техникъ, упоминавшійся Рысаковымъ, вѣстись—застѣнчившійся Сабинянъ, всѣдмьхъ—Гесса Гельфманъ, въ восьмьхъ—Тимофей Михайловъ, въ девятьхъ и десятыхъ—называвшіеся Кобозевыми, мужемъ и женою, и, пожалуй, прибавимъ сюда, если вѣрить показанію Рысакова, необнаруженнаго человека, видѣннаго Рысаковымъ въ конспиративной квартирѣ подъ именемъ Михаила Ивановича. Изъ этихъ одиннадцати лицъ двое умерли, трое пока не розсказаны и шесть находятся здѣсь передъ вами, на лицо. Подсудимый Желябовъ вчера, по поводу свидѣлскихъ показаній, говорилъ, между прочимъ, что замъ на этой скамѣ придется еще видѣть другихъ лицъ. Надежда подсудимаго Желябова, что на этой скамѣ будутъ прочіе его соучастники—надежда основательная и справедливая. Желябовъ, въ данномъ случаѣ, не ошибается.

Я старался, милостивые государи, доказать данными судебного слѣдствія, что всѣ подсудимые, безъ исключенія, фактами, относящимися до каждого изъ нихъ въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, изблажаются въ болѣе или менѣе прикомъ соучастія въ злодеяніи 1-го марта.

Въ настоящее время мнѣ предстоитъ перейти къ установленію того, что если мы имѣемъ предъ собою, въ лицѣ шести подсудимыхъ, соучастниковъ преступленія, то это соучастники непростые, связанные между собою обыкновеннымъ уголовнымъ соучастіемъ и степеніемъ виновности, но люди, болѣе тѣсно связаны соединенные въ одно цѣлое, называемое ими «социально-революціонною партіей». Мнѣ, слѣдовательно, необходимо доказать, что злодеяніе 1-го марта совершено не только нѣсколькими лицами, на него сговорившимися, но совершенно цѣлою группою лицъ, изъ среды которой эти лица вышли и въ интересахъ которой они дѣйствовали. Другими словами въ настоящее время мнѣ предстоитъ перейти отъ обвиненія каждого изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, какъ человека, какъ лица частнаго, лица физическаго къ обвиненію ихъ, какъ лицъ, входящихъ въ составъ партіи, къ обвиненію этой самой партіи.

Судебною практикою, да и здравымъ смысломъ, устанавливается рядъ общихъ признаковъ, на основаніи наличности которыхъ въ извѣстныхъ фактахъ, можно судить объ отношеніи этихъ фактовъ и лицъ, факты создавшихъ, къ извѣстному соединенію, преслѣдуемому политическую цѣль, т. е. судить о принадлежаніи тѣхъ или другихъ лицъ къ революціонному движенію. Такими признаками я считаю, во 1-хъ, печатныя произведенія и рукописи, свидѣлствующія о таковой принадлежанности; во 2-хъ, предметныя и иныя указанія революціонной дѣятельности обвиняемыхъ; въ 3-хъ, революціонное ихъ прошлое и, въ 4-хъ, собственныя объясненія обвиняемыхъ объ ихъ отношеніи къ этому преступному соединенію. Сообразно этимъ четыремъ признакамъ, я и раздѣлю настоящее свое изложеніе. Рядъ печатныхъ произведений и рукописей, на которыхъ лежитъ несомнѣнная неизгладимая печать социально-революціоннаго движенія, которыя громко свидѣлствуютъ объ этомъ движеніи, какъ о своемъ источникѣ, оказываются у каждого изъ подсудимыхъ. Останавливаясь на подсудимомъ Рысаковѣ и на вещахъ, найденныхъ у него по обыску, произведенному въ его квартирѣ у Ермолиной, я указываю на номера «Народной Воли», на найденную у него, очевидно, произведеніе весьма недавнее, «программу рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли» и объяснительную къ ней записку. У него же найдены: рукописи, написанная его рукою, по всей вѣроятности, списанная съ чего-нибудь, подъ заглавіемъ: «Задачи боевой рабочей организаціи», представляющая какъ бы введеніе къ объяснительной запискѣ программы, и рукописное стихотвореніе безъ заглавія, содержание котораго представляетъ собою фантастическій и удивительный по дикости разсказъ о боѣ съ царемъ. У умершаго Ельникова въ квартирѣ Артамоновой найдена была та же самая программа рабочихъ членовъ партіи, которая оказалась у Рысакова. Затѣмъ у подсудимыхъ Желябова и Перовской, жившихъ вмѣстѣ, на квартирѣ ихъ, по первой ротѣ Измайловскаго полка, найдено множество печатныхъ изданій «Земля и Воля» и «Народная Воля», оказались и прокламатіи, между прочимъ, отъ «исполнительнаго комитета» по поводу взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5-го февраля 1880 года. Кромѣ того, найдена гектографированная, «программа дѣйствій великорусской партіи социалстовъ-федералистовъ», съ объяснительной запискою. Я обращаю вниманіе на то, что въ противоположность другимъ изданіямъ, эта программа непечатная, а гектографированная, вѣроятно потому, что въ публикѣ было неудобно распространять ее, такъ какъ по самому содержанию своему она оттолкнула бы публику отъ движенія. У

подсудимой Перовской, при ней самой, найдена была печатная программа «исполнительнаго комитета». Это руководство партіи—программа, которая должна быть въ карманѣ каждого члена общества, въ которой написано: чего держаться, какъ поступать, безъ которой онъ не можетъ ступить ни шага и отъ которой отступить не можетъ. У Перовской же найдено дополнение къ этой программѣ: два экземпляра печатной программы рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли», 17 экземпляровъ приложенія къ № 2-му «Рабочей газеты», начавшей издаваться недавно, въ концѣ 1880 г., затѣмъ рукописи весьма замѣчательнаго содержания: «Подготовительная работа партіи» и, наконецъ, 18 экземпляровъ воззванія, по поводу событія 1-го марта, отъ имени «исполнительнаго комитета» и 14 экземпляровъ отъ рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли». У Сабиня и подсудимой Гельфманъ въ квартирѣ, по Тельной улицѣ, найдена масса революціонныхъ изданій и брошюръ, а также прокламатіи, по поводу злодеянія 1-го марта, отъ «исполнительнаго комитета». Таковы печатныя произведенія и рукописи, которыя указываютъ на принадлежанность подсудимыхъ къ партіи.

Перехожу ко второй группѣ—къ предметнымъ и инымъ указаніямъ на революціонную дѣятельность обвиняемыхъ. Сюда относится оружіе, находимое при подсудимыхъ, подложныя печати, какъ матеріалы для изготовленія подложныхъ паспортовъ, обнаруженныя при обыскѣ записки болѣе или менѣе компрометирующаго содержанія. Одна изъ нихъ писана на клочкѣ бумаги и найдена въ квартирѣ по Тельной улицѣ. Въ ней говорится о дѣятельности партіи въ настоящемъ и будущемъ и, между прочимъ, о подсудимой Гельфманъ. Я приведу краткія содержанія записки. Она начинается словами: «наши еще на мѣстѣ», говоритъ объ организаціи провинціальной, о необходимости дѣйствовать насильственно, заключаетъ требованіе присылки революровъ и кинжаловъ—я имѣю полное право перевести, такимъ образомъ, эти сокращенія «3 ре. и 2 к.» и оканчивается просьбой доставить фальшивые паспорта, фальшивыя печати, словомъ, весь социально-революціонный багажъ. Въ этой запискѣ говорится и специально о подсудимой Гельфманъ, а именно, слѣдующее: «нужна свейра на неинтеллигентную роль. Попросите Гессю, если она откажется, то пусть А. М. (очевидно женщина) пріѣзжаетъ сама, поручитъ ей, Гессѣ, веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ».

За оружіемъ и записками слѣдуютъ подложныя имена и паспорта. Я не стану, впрочемъ, перечислять всѣхъ именъ, которыя носили обвиняемые. Въ прошлой ихъ дѣятельности эти имена такъ и сыпались и нужно много вниманія для того, чтобы установить преимство этихъ именъ у однихъ и тѣхъ же лицъ. Очевидно, при перемѣнѣ мѣста жительства, при перемѣнѣ сферы дѣятельности—мѣнялись и имена. Вы знаете, что имена мѣняютъ люди, которымъ нужно прятаться, и которые, вслѣдствіе этого, боятся своего собственного имени.

Далѣе необходимо остановиться на признакахъ, можетъ быть, мелкомъ, но не чуждомъ интереса и значенія. Онъ заключается въ томъ, что квартиры, которыя занимаютъ члены партіи, имѣютъ характеристическую особенность мѣста. Всѣ они помѣщены на углу или въ очень глухихъ мѣстахъ.

Напомнивъ лишь вамъ, что почти у всѣхъ подсудимыхъ имѣется революціонное прошлое, а переходу къ указаніямъ на собственное признаніе подсудимыхъ въ ихъ принадлежанности къ партіи. Они спѣшатъ признать ее, спѣшатъ заявить, что они члены партіи, дѣйствовавшей въ ся интересахъ. Такое признаніе мы слышали отъ всѣхъ подсудимыхъ, даже отъ Гельфманъ и Михайлова. Вы помните какъ заявляло это признаніе. На вопросъ первоприсутствующаго о занятіяхъ Перовской и Гельфманъ отвѣчали весьма своеобразно: «занимаюсь революціонными дѣлами», а первый отвѣтъ Желябова на вопросъ о занятіяхъ былъ торжественное и вѣдѣрчивое: «служу дѣлу народнаго освобожденія», затѣмъ слѣдуютъ другія, болѣе опредѣленныя, признанія: агенты «исполнительнаго комитета», агенты съ большою или меньшей степенью довѣрія, агенты третестепенные, такъ и слышится со скамы подсудимыхъ и т. д. Какъ бы то ни было, лица, въ настоящее время ее занимающія, спѣшатъ на встрѣчу обвиненію, спѣшатъ провозгласить, что они члены партіи. Такимъ образомъ, принадлежанность ихъ къ тайному сообществу, именующему себя «русской социально-революціонной партіей», не подлежитъ никакому сомнѣнію. Об этомъ сообществѣ я скажу нѣсколько позднѣе, а теперь мнѣ нужно указать на показанія подсудимыхъ и заняться ихъ изслѣдованіемъ потому, во 1-хъ, что въ этихъ показаніяхъ заключается

полное безусловное доказательство ихъ виновности, доказательство, которое если бы оно существовало и одно, было бы достаточно для ихъ обвиненія и осужденія, впрочемъ, доказательство, хотя и связанное съ другими данными обвиненія, но отъ котораго эти данныя заимствуютъ лишь немного свѣта, такъ что, не будь этихъ показаній, обвиненіе было бы также очень сильно, а эти объясненія, въ особенности показаніе Рысакова, дѣлаютъ его еще сильнѣе. Затѣмъ, во 2-хъ, эти показанія важны для насъ въ связи съ другими данными, какъ новыя указанія, которыя даютъ полное, шагъ за шагомъ, раскрытіе заговора во всѣхъ его подробностяхъ, и, что особенно важно, точное распредѣляютъ участіе каждого изъ подсудимыхъ. Я не стану излагать показаній въ отдѣльности, а постараюсь, на основаніи ихъ содержанія, представить связно картину преступленія такъ, какъ оно было совершенно и только въ извѣстныхъ мѣстахъ буду дополнять картину другими данными. Прежде, впрочемъ, чѣмъ говорить объ этихъ разоблаченіяхъ, я долженъ предпослать имъ общій обзоръ и сказать о силѣ ихъ достовѣрности. Такой пріемъ необходимъ потому, что нужно имѣть извѣстный критеріумъ для того, чтобы въ этихъ показаніяхъ отличить ложь отъ правды и этотъ критеріумъ, съ точки зрѣнія обвиненія, я позволю себѣ предпослать. Вамъ извѣстно, что вообще показанія подсудимыхъ признаются достовѣрными на столько, на сколько они вообще представляются искренными и данными лицами, способными давать искреннія показанія, и на столько, на сколько они подтверждаются обстоятельствомъ дѣла, помимо ихъ обнаруженными. Это общее условіе достовѣрности показаній подсудимыхъ. Но есть еще спеціальныя условія, относящіяся спеціально до политическихъ дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ и на этихъ спеціальныхъ условіяхъ я долженъ остановитъ ваше вниманіе. Специфическій особенный характеръ настоящаго преступленія и другихъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ указываютъ на то, что показанія подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, можно соединитъ по ихъ свойству и значенію въ извѣстныя группы. Къ первой группѣ будетъ относиться полное собственное сознание, согласное съ обстоятельствами дѣла, связанное съ оговоромъ всѣхъ другихъ участниковъ извѣстныхъ и сознающихся. Такой оговоръ въ государственномъ преступленіи имѣетъ существенное отличие отъ общаго уголовного оговора, дѣлаемого въ обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлахъ, и та мѣра, которую мы примѣняемъ въ общемъ судѣ къ оговору, которому мы вѣримъ или не вѣримъ, едва ли примѣнима къ оговору политическому. Въ основаніи политическаго оговора всегда лежатъ извѣстныя принципиальныя причины и на второмъ планѣ—личныя или частныя, отбывшія побужденія. Сознаваясь самъ и оговаривая другихъ, виновный въ государственномъ преступленіи, если мы не имѣемъ основанія предположить въ немъ человека, у котораго дѣянія идутъ воплѣ въ разрывѣ съ его миссіями, достигаетъ извѣстной отвѣточной цѣли. Онъ полагаетъ, что такъ поступитъ нужно, что такъ слѣдуетъ ему говорить въ интересахъ, если не его партіи, къ которой онъ принадлежантъ, то тѣхъ взглядовъ, которые толкнули его на дорогу преступленія и привели къ нему. Такимъ представляется мнѣ показаніе Рысакова, которое я всецѣло отношу къ первой группѣ. Оно представляетъ, во 1-хъ, его полное собственное сознание и, во 2-хъ, раскрытіе всего того, что ему, Рысакову, извѣстно объ обстоятельствахъ злодеянія и всѣхъ приготовленій къ нему. Справедливость обязываетъ меня заявить, что это сознание во всемъ томъ, въ чемъ касается Рысакова, есть сознание полное и чистосердечное. Оцѣнивая это показаніе, заключающее въ себѣ и сознание, и оговоръ, по свойству его и по сопоставленію съ другими обстоятельствами дѣла, которыя воплѣ его подтверждають, нельзя не признать, что ему вѣрить можно и должно и по характеру подсудимаго Рысакова, и по причинамъ, обуславливающимъ вступленіе его въ партію, и по мотивамъ созданнаго имъ самимъ преступленія, и по нравственному состоянию, въ которомъ подсудимый находился во время совершенія преступленія, при производствѣ дознанія и, наконецъ, здѣсь, на судѣ. Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что онъ говоритъ воплѣ все то, что знаетъ и безъ утайки. Да и едва ли ему есть какое-нибудь основаніе скрывать отъ насъ истину, потому что съ той партіей, которая поставила его въ занимаемое имъ, въ настоящее время, положеніе, какъ онъ заявлялъ письменно и словесно, по крайней мѣрѣ, въ теперешнемъ своемъ умственномъ и нравственномъ состояніи, онъ солидарности не имѣетъ. Я даже увѣренъ, что въ эти скорбныя торжественныя минуты эта несолидар-

ность простирается так далеко, что тяжкия мучительныя угрызения совести мучают этого человека, повидимому, неподвижное лицо которого вы видите здесь предъ собой, а если это такъ, то утаивать отъ суда что-либо касающееся партии и другихъ лицъ едва ли есть ему основаніе. Выгораживать своихъ соучастниковъ онъ, очевидно, не хочетъ. Онъ хочетъ говорить то, что ему известно, и говорить не смотря на очевидное неодобрение, съ которымъ партия и вожаки ее воглавъ относятся къ этому оговору и къ раскрытію истины. Вы, конечно, замѣтили, что на судебномъ слѣдствіи центр тяжести борьбы сосредоточивался на томъ, что Рысаковъ указывалъ на участіе Гельфманъ и Тимофея Михайлова, а Желябовъ и Перовская всѣ свои запоздалыя усилія направляли на то, чтобы выгородить, насколько возможно, имя дѣла подсудимыхъ Гельфманъ и Тимофея Михайлова. На это я могу замѣтить только одно: если имъ тяжело смотрѣть на то положеніе, въ которомъ находятся подсудимые Тимофей Михайловъ и Гельфманъ, изъ котораго, я думаю, они не могутъ выйти ни въ какомъ случаѣ, то имъ нужно было подумать объ этомъ прежде. Затѣмъ ко второй группѣ показаній я отношу собственное, краткое, односложное сознание подсудимаго въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя касаются его самого, простое краткое сознание, съ умалчиваніемъ всего, что касается другихъ, все говоритъ о себѣ или говорить все главное въ общихъ чертахъ, ничего не говорить о другихъ и не давать никакихъ указаній, которыя могутъ навести на какіе-либо слѣды розыскающей власти. Къ этой второй группѣ относится показаніе подсудимаго Кибальчича. Близко сюда, къ этой же группѣ съ нѣкоторыми условіями принадлежатъ показанія и другихъ подсудимыхъ. Въ этихъ показаніяхъ къ собственному сознанию, къ старанію умалчать или выгородить другихъ присоединяются два стремленія: во-первыхъ, постараться представить свое дѣло, свою партію, свое, пожалуй, участіе, но главнымъ образомъ, свою партію, въ крайне преувеличенномъ и ложномъ свѣтѣ; постараться увеличить размѣры до фантастичности, постараться, а скажу прямо, наугадъ кого-либо, было бы возможно, постараться сказать, что если здѣсь на скамьи подсудимыхъ есть группа сильныхъ дѣятелей партіи, то за ними, тамъ, дальше, на свободѣ, есть еще другіе, которые идутъ по одному и тому же пути, что такихъ много и что партія располагаетъ могущими силами и средствами. Это стремленіе довольно понятно въ подсудимыхъ, но, преслѣдуя его, подсудимые не знаютъ мѣры и границъ и переходятъ изъ сферы правдоподобія въ область ничѣмъ неограниченной дикой фантазій. Къ этому роду показаній, въ которыхъ замѣтно и желаніе выставить себя въ извѣстномъ конспиративномъ партійномъ хоромѣ свѣтъ, принадлежитъ показаніе Желябова и показаніе его „alter ego“, подсудимой Перовской. Далѣе, къ третьей группѣ я отношу нежеланіе показывать, неохоту говорить, или просто довольно грубое категорическое отрицаніе обстоятельствъ, касающихся даннаго подсудимаго, съ нѣкотораго рода ограниченіями. Такого рода показанія мы слышали отъ подсудимой Гельфманъ и, въ особенности, отъ Тимофея Михайлова. Итакъ, будемъ вѣрять показаніямъ первой группы и, слѣдовательно, показанію Рысакова; вполнѣ будемъ вѣрять показаніямъ второй группы по столько, по сколько они касаются самихъ подсудимыхъ, и не будемъ имъ вѣрять, на основаніи тщательной критики, въ томъ, въ чемъ они идутъ въ разрѣзъ съ обстоятельствами дѣла и оказываютъ противоположными личными стремленіями и, наконецъ, не будемъ вѣрять третьей категоріи показаній подсудимыхъ, противопоставляющихъ факту улики голословное его отрицаніе. Резюмируя то, что я сказалъ, и переходя къ частностямъ показаній подсудимыхъ, я, для большаго удобства вашего, для того, чтобы вы могли отмѣтить выводы обвиненія, ограничусь краткимъ перечнемъ сущности показаній подсудимыхъ и скажу, что подсудимый Рысаковъ сознается въ злодѣяніи 1-го марта вполнѣ и въ принадлежности къ социально-революціонной партіи, съ извѣстными оговорками. Сознаваясь, что оговариваетъ прямо подсудимыхъ Желябова, Перовскую и Тимофея Михайлова и косвенно, но не менѣе сильно, — подсудимую Гесю Гельфманъ. Подсудимые Желябовъ и Перовская сознаются въ тѣхъ же преступленіяхъ, что и Рысаковъ, и, вромѣ того, Перовская въ другомъ, приписываемомъ ей преступленіи, въ послѣдствіи на священную Особу въ Бозѣ почившаго Императора, совершонномъ подъ Москвою 19-го ноября 1879 года, а Желябовъ — въ преступленіи подъ Александровскомъ, 18-го ноября 1879 года. Подсудимый Кибальчичъ сознается въ принадлежности къ партіи, въ пареубійствѣ, въ приготовленіяхъ къ одескому покушенію осенью 1879 года

и, наконецъ, въ приготовленіяхъ къ Александровскому взрыву. Подсудимый Тимофей Михайловъ не сознается въ совершеніи злодѣянія 1-го марта, но сознается вполнѣ въ принадлежности къ социально-революціонной партіи, къ террористической ея фракціи, а также въ вооруженномъ сопротивленіи 3-го марта властямъ, при арестованіи его въ Тельжнуй у. и, наконецъ, подсудимая Гельфманъ, не сознаваясь въ участіи въ дѣлѣ 1-го марта, сознается въ принадлежности къ террористической фракціи социально-революціонной партіи или, другими словами, къ партіи „Народной Воли“. Болѣе всего показанія Рысакова совпадаютъ съ показаніями Перовской и Кибальчича. На основаніи этихъ показаній подсудимыхъ и на основаніи другихъ данныхъ дѣла, какъ я уже сказалъ, мнѣ предстоитъ воспроизвести предъ вами, по возможности, точную картину того заговора, жертвою котораго 1-го марта палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ.

Лѣтомъ 1879 г. (я начинаю излагать) въ городѣ Липецкѣ, тамбовской губер., происходилъ сѣздъ членовъ революціонной партіи. Вы много слышали объ этомъ сѣздѣ, еще больше васъ слышали о немъ предшествующіе суды. Сѣздъ этотъ важенъ потому, что имъ устанавливается моментъ систематической рѣшимости совершить пареубійство. На этомъ сѣздѣ, о которомъ упоминалъ здѣсь подсудимый Желябовъ, было рѣшено совершить покушеніе на жизнь успаго Императора и повторять его, въ случаѣ неудачи, до тѣхъ поръ, пока эти покушенія не увѣчаются злодѣйскою удачею. Во исполненіе такого рѣшенія сѣзда, которое, какъ вы слышали здѣсь отъ подсудимаго Желябова, было обязательно для всей партіи, и, по его словамъ, вымѣнялось въ законъ, былъ совершонъ рядъ покушеній на жизнь Его Императорскаго Величества. Покушенія подъ Александровскомъ, подъ Москвой и, наконецъ, 5-го февраля въ Зимнемъ дворцѣ. Для этихъ покушеній нужно было приготовить взрывчатые вещества и приготовить ихъ съ усердіемъ, ревностью и знаніями, достойными лучшаго дѣла, занялся подсудимый Кибальчичъ. Очевидно, еще въ стѣнахъ тюрьмы уже зародилось въ немъ нетерпѣливое желаніе вложить и свою ленту въ кровавыя дѣла, ознаменовавшія вступленіе социально-революціонной партіи на путь политической борьбы и принять въ немъ посильное участіе, такъ что, по освобожденіи, онъ не замедлил явиться къ одному изъ главныхъ революціонныхъ дѣятелей, нынѣ осужденному и казенному государственному преступнику Квятковскому и предложилъ свои услуги. Техникъ-динамитчикъ, производитель динамита былъ человекъ драгоцѣнный для партіи. Онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и, конечно, работы предстояло ему много. Онъ и занялся этою работою. Вы, конечно, помните его показанія, записанныя въ обвинительный актъ и подтвержденныя здѣсь. Въ теченіе полутора года онъ изготовлялъ динамитъ въ большомъ количествѣ, когда ему приказывали, не справляясь о томъ, на что, именно, въ извѣстную минуту нуженъ динамитъ, но всегда зналъ, для какой конечной цѣли онъ будетъ служить. Рядомъ съ приготовленіями, въ которыхъ также видное участіе принималъ Кибальчичъ, съ осени 1880 года, идеть агитаціонная дѣятельность интеллигентныхъ дѣятелей въ рабочей средѣ. Это вообще пріемъ не новый, практиковавшійся и прежде, но здѣсь, повидимому, на этотъ пріемъ были направлены особыя усилія партіи и партіи справедливо (доказательствомъ этому служатъ Тимофей Михайловъ) вѣдѣла въ агитаціи среди рабочихъ способъ пріобрѣтенія новыхъ полезныхъ агентовъ. Между рабочими, по инициативѣ агитаторовъ, образуются кружки, сходящіеся въ агитаціонную группу рабочихъ. Такіе дѣятели, какъ Рысаковъ, еще не принадлежащіе къ партіи, если можно такъ выразиться, формально и болѣе склонны къ мирной социалистической дѣятельности среди рабочихъ, убѣждаются изъ агитаціонной дѣятельности въ томъ, что единоличныя усилія ихъ не могутъ принести плодотворныхъ результатовъ въ конспиративномъ смыслѣ. Придя къ такому убѣжденію, они сходятся съ испытанными дѣятелями революціоннаго движенія, подавая подѣ ихъ вліяніе и дѣлаются ядромъ довольно систематически слагающихся небольшихъ организацій среди рабочихъ организацій, приуроченныхъ къ террористической системѣ. По тому, что говорятъ о группѣ рабочихъ подсудимыхъ, можно подумать, что она многочисленна, сильна личнымъ составомъ, качественнымъ и количественнымъ, но показаніе Рысакова разсвѣтаетъ такое предположеніе; по его словамъ, группа состоитъ не болѣе какъ изъ десятковъ двухъ человекъ и въ ней настоящихъ рабочихъ очень немного; въ группѣ этой мы встрѣчаемъ Желябова, — онъ вездѣ, самого Рысакова, Перовскую, Михаила Ивановича, Ельникова, „Инвалида“ и другихъ. На обязанности группы ле-

жала пропаганда среди рабочихъ и руководство рабочимъ движеніемъ. Рядомъ съ нею, выдѣлившись изъ нея, образовался, въ февралѣ 1881 года, такъ называемый террористическій отдѣлъ рабочей группы или, употребляя техническое выраженіе подсудимыхъ, довольно характерное, „боевая рабочая дружина“. О боевой рабочей дружинѣ у насъ есть нѣсколько разныхъ вариантовъ объясненій. Одни говорятъ, что подѣ „исполнительнымъ комитетомъ“ главной группой стояли другія подгруппы и въ распоряженіи этого комитета находилось нѣсколько назначенныхъ для насильственныхъ дѣйствій боевыхъ дружинъ; въ числѣ ихъ была боевая рабочая, такъ что вромѣ нея „исполнительный комитетъ“ располагалъ еще и другими такими же дружинами. Но отъ другихъ мы не слышали такого объясненія. Тимофей Михайловъ даетъ объясненіе несравненно болѣе скромное и я думаю, что какъ человекъ необразованный, умственный кругозоръ котораго не великъ, узокъ, онъ ближе къ истинѣ свидѣтельствуеетъ о характерѣ рабочей боевой дружины. На вопросъ о томъ: „какое же она имѣла назначеніе“, онъ отвѣчаетъ нѣсколькими очень короткими, но крайне характерными словами: „защипать рабочихъ, т. е. убивать шпионовъ и избивать нелюбимыхъ рабочими мастеровъ“. Вотъ къ чему она была создана, вотъ что могло привлекать въ нее такихъ рабочихъ, которые дошли до такого состоянія, до котораго дошелъ подсудимый Тимофей Михайловъ. Образованная по инициативѣ Желябова, она состояла изъ незначительнаго числа лицъ: 4, 5, 6 человекъ. Вотъ все, что входило въ составъ той боевой дружины, если только останавливаться на показанія Рысакова, и кто же? Все тѣ же. Опять тѣ же Желябовъ, тѣ же Рысаковъ, тѣ же Михаилъ Ивановичъ, но безъ Перовской и, наконецъ, Тимофей Михайловъ, можетъ быть еще кто-нибудь; и этимъ составомъ боевая рабочая дружина исчерпывается. Органомъ агитаціонной рабочей группы была начинавшая издаваться въ то время „Рабочая Газета“, типографія которой помѣщалась въ конспиративной квартирѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, и которая печаталась при содѣйствіи Геси Гельфманъ. Первый номеръ ея относится къ сентябрю 1880 г., второй и послѣдній — къ февралю 1881 г.; всего вышло два номера. Такимъ образомъ, и агитаціонная группа, и рабочая дружина представляются мнѣ не болѣе, какъ сплосомъ вербовки рабочихъ къ дѣятельности партіи. Вербовка производилась, главнымъ образомъ, Желябовымъ при помощи другихъ лицъ, между прочимъ, и Перовской. Такимъ путемъ были заманены въ сѣти Тимофей Михайловъ. Къ этому же времени относится внезапный и почти ничѣмъ необъяснимый переходъ Тимофея Михайлова и Рысакова съ законнаго положенія на положеніе „нелегальное“. Это опять выраженіе техническое, социально-революціонное. Это значитъ перестать быть прежнимъ человекомъ, это значитъ забыть свое крещеное христіанское имя, начать называться ложными именами, бросить свой настоящій видъ на жительство, взять подложный и, такимъ образомъ, скрываться, гдѣ день, гдѣ ночь, отъ преслѣдованія властей. Хорошо. Для тѣхъ, которыхъ преслѣдуютъ, это необходимо, но для тѣхъ, которые не подвергались этому преслѣдованію, какой смыслъ имѣетъ этотъ переходъ? А между тѣмъ, мы видимъ, что и Рысаковъ и Михайловъ переходятъ на это положеніе въ 1881 году безъ всякаго основанія и надобности, потому что, по имѣющимся свѣдѣніямъ относительно Рысакова, относительно павшаго на него подозрѣнія, по ихъ неопредѣленности и по отсутствію всякаго указанія на принятіе противъ Рысакова репрессивныхъ мѣръ, нѣтъ основанія полагать, чтобы для Рысакова были причины къ переходу на нелегальное положеніе. Причина та, что Желябовъ переводитъ ихъ на это положеніе. Это положеніе, въ моихъ глазахъ, имѣетъ значеніе посвященія въ члены партіи. Переходъ на нелегальное положеніе, человекъ перестаетъ рубиконъ: за нимъ есть чужое имя, чужой паспортъ. При такомъ внезапномъ переходѣ отступать ему нечего и остается только идти впередъ, впередъ туда, куда толкаютъ Желябовъ. Здѣсь мнѣ нужно нѣсколько остановиться на роли подсудимаго Желябова въ самомъ заговорѣ. При этомъ я постараюсь приписать ему только то значеніе, которое онъ въ дѣйствительности имѣлъ, только ту роль, которую въ дѣйствительности исполнялъ, или болѣе, или менѣе. Полагаю, что и этого, однако, и для суда, и для оцѣнки дѣятельности Желябова будетъ совершенно достаточно. Роль моя въ Петербургѣ, говоритъ Желябовъ, была, конечно, менѣе дѣятельная и важна, чѣмъ въ провинціи. Тамъ я дѣйствовалъ самостоятельно, а здѣсь подѣ ближайшимъ контролемъ „исполнительнаго комитета“, о которомъ такъ часто приходится говорить Желябову. Я былъ только исполнителемъ указаній и вотъ „испол-

нительный комитетъ“, говоритъ онъ, рѣшивъ совершеніе, въ началѣ 1881 года, новаго посягательства на пареубійство, поручилъ ему, Желябову, заняться ближайшей организаціей этого предпріятія, какъ любятъ выражаться подсудимые на своемъ особенномъ специфическомъ языкѣ, или, другими словами, выражаясь языкомъ Желябова, поручилъ ему учредить атаманство, атаманомъ котораго и былъ подсудимый Желябовъ. Въ старые годы у насъ называли атаманами людей, которые становились во главѣ разбойническихъ соединеній. Я не знаю, это ли воспоминаніе, или другое, побудило къ воспріятію этого званія, но, тѣмъ не менѣе, Желябовъ былъ атаманомъ и атаманство подѣ его начальствомъ образовалось. Выбрать лицъ достойныхъ, годныхъ, по его мнѣнію, къ участію въ злодѣяніи, онъ составилъ имъ списокъ и представлялъ его на утвержденіе исполнительнаго комитета. „Исполнительный комитетъ“, утвердивъ его, возвратилъ его Желябову, который затѣмъ, привелъ постановленіе „исполнительнаго комитета“ въ исполненіе. Было рѣшено совершить злодѣяніе двумя способами, параллельно другъ съ другомъ идущими и имѣющими тѣсную связь: подпопомъ на Малой Садовой и посредствомъ метательныхъ снарядовъ. Желябовъ и Кибальчичъ указываютъ на то, что между этими двумя способами не было тѣсной связи, что организаторы одного не были организаторами другого. Я полагаю, что это неосновательно. Все, что мы знаемъ о заговорѣ, что раскрыто показаніями самихъ подсудимыхъ, говоритъ сплосное, и говоритъ, что оба эти способа были выбраны вмѣстѣ и разработаны совместно, на случай, если не удастся одинъ, то уласть другой. Такимъ образомъ, былъ составленъ планъ. Главное руководство по этому плану, утверждаетъ Желябовъ, принадлежало не ему, а „исполнительному комитету“, этому вездѣшнему, но невидимому таинственному соединенію, которое держитъ въ рукахъ пружины заговора, которое двигаетъ людьми, какъ марионетками, посылаетъ ихъ на смерть, переставляетъ ихъ; однимъ словомъ, это дупа всего дѣла. Но я позволю себѣ высказать другое мнѣніе и, рискуя подвергнуться недобрѣ и глумленію со стороны подсудимыхъ, позволю просто усомниться въ существованіи „исполнительнаго комитета“. Я знаю, что существуетъ не одинъ Желябовъ, а нѣсколько Желябовыхъ, можетъ быть, десятки Желябовыхъ, но я думаю, что данныя судебного слѣдствія даютъ мнѣ право отрицать соединеніе этихъ Желябовыхъ въ нѣчто органическое правильно устроенное, іерархическое распредѣленіе, въ нѣчто соединяющееся въ учрежденіе. Я думаю, что „исполнительный комитетъ“ это, — вожаки заговора, между собою согласившіеся и его исполняющіе, и я сейчасъ укажу на нѣкоторыя данныя, подтверждающія мое заключеніе. Обвиняемый Гольденбергъ въ показаніяхъ своихъ, изложивъ нѣхъ въ обвинительномъ актѣ, говоря объ „исполнительномъ комитетѣ“, между прочимъ, объясняетъ, что „исполнительнымъ комитетомъ“ называлась наиболѣе дѣятельная городская группа социально-революціонныхъ дѣятелей, т. е. группа, а не учрежденіе. Въ № 3-мъ „Народной Воли“, въ передовой статьѣ имѣется весьма характерная и весьма знаменательная оцѣнка дѣятельности „исполнительнаго комитета“ и указаніе на его необходимость, дающая ключъ къ разгадкѣ. Въ этой статьѣ, написанной въ то время, когда удручающее сознаніе бесилия тяготѣло надъ партіей, говорилось о томъ равнодушіи, которое къ сожалѣнію для всей партіи, окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, о томъ равнодушіи, которое высказывалось даже въ томъ, что люди, принадлежащіе къ партіи, не имѣютъ никакой инициативы въ дѣлѣ, не проявляютъ никакой энергіи, и заключается статья такъ: „русскому человеку даже въ социально-революціонномъ дѣлѣ нужно начальство и безъ начальства онъ никакъ не можетъ обойтись“. И вотъ, для созданія такого фиктивного начальства, котораго никто не знаетъ, которое, говорятъ, гдѣ то тамъ, чуть не подѣ землею, и появилась, мнѣ кажется, эта фикція объ „исполнительномъ комитетѣ“, какъ объ опредѣленномъ, правильно организованномъ подпольномъ учрежденіи. Я думаю такъ же и потому, что если этотъ „исполнительный комитетъ“ такъ правильно организовалъ и руководилъ всѣмъ дѣломъ, то неужели, когда былъ арестованъ Желябовъ, организаторъ злодѣянія, неужели у „исполнительнаго комитета“ не нашлось болѣе сильной руки, болѣе сильнаго ума, болѣе опытнаго революціонера, чѣмъ Софія Перовская? Неужели слабыми руками женщины, хотя бы она была сожигательницей Желябова можно передать такое дѣло, какъ преемство по исполненію злодѣянія? Я полагаю, что если „исполнительный комитетъ“ существуетъ, организованъ и обладаетъ такими большими средствами, то неужели предъ самыми совершеніемъ преступленія

нужно было бы прибѣгать къ несчастнымъ 50-ти рублямъ, полученнымъ Рысаковымъ изъ конторы Громова, для средствъ партіи, для фонда ея за нимѣніемъ такового? Какъ бы то ни было, если условиться называть „исполнительнымъ комитетомъ“ соединеніе вожаковъ, я допускаю, что комитетъ, а въ составѣ его Желябовъ, занялся разработкой самого замысла. По словамъ Желябова, изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ, которыхъ, по словамъ Желябова, было много, а я думаю, одна, были вызваны добровольцы и Желябовъ клинулъ кличъ. На этотъ кличъ отозвалось 47 человекъ, изъ которыхъ 19 человекъ шли условно только въ томъ случаѣ, если на мѣстѣ совершенія преступленія ихъ будутъ сопровождать люди опытные революціоннымъ прошлымъ, а 28 — шли безъ всякихъ условій. Такимъ образомъ, Желябовъ имѣлъ предѣ собою выборъ. Но, по словамъ Рысакова, дѣло было нѣсколько иначе и совершеніе злодѣянія было, просто на просто, предложено рабочей дружинѣ, изъ которой вышли Рысаковъ, Тимофей Михайловъ, Михаилъ Ивановичъ, къ этой дружинѣ принадлежалъ. По словамъ Рысакова, на кликъ Желябова отозвалось не 47 человекъ, а всего на всего 4 человекъ, тѣ самые, которые, вооруженные метательными снарядами, были разставлены близъ Малой Садовой по извѣстнымъ пунктамъ. Послѣ сбора участниковъ начались предварительныя объясненія и разговоры заговорщиковъ о совершеніи преступленія. Этимъ предварительнымъ объясненіямъ предшествовало еще давно предпринятое сѣщеніе за Государемъ Императоромъ. Я не знаю вещи или предмета, внушающаго болѣе негодованія, какъ воспоминаніе объ обстоновкѣ этого преступленія. Вездѣ на провадѣ Государя Императора, куда бы ни вышелъ Государь Императоръ, таясь во тѣмъ, слѣдуя за нимъ, стояли эти люди, выжидающіе, высматривающіе, слѣдящіе за Его привѣтками, за направленіемъ, которое Онъ приметъ при провадѣ, для того, чтобы потомъ изъ этихъ опытовъ сдѣлать кровавое употребленіе, а когда приходится себѣ представить, что это сѣщеніе и наблюденіе было организовано женщиной, подсудимою Перовской, то становится еще ужаснѣе, еще болѣе дупа содрогается. Да, между тѣмъ, это такъ мы слышали отъ Рысакова и отъ самой Перовской, которая сознается, что она, вмѣстѣ съ другими лицами, давно слѣдила за Государемъ Императоромъ, въ теченіе всей зимы, и самая выработка плана была результатомъ опатовъ, выведенныхъ изъ наблюдений. Сдѣлалось извѣстнымъ въ какомъ часу проважаетъ Государь Императоръ, по какому направленію, гдѣ Онъ останавливается и на этомъ былъ построенъ планъ. Затѣмъ послѣдовали предварительныя разговоры въ квартирѣ Рысакова, занимаемой у Ермолиной, и здѣсь я останавливаю ваше вниманіе на томъ, что хозяйка Рысакова, Ермолина, въ этой квартирѣ его въ то время, которое относится къ этимъ разговорамъ, увидѣла и Тимофея Михайлова. Слѣдовательно, въ предварительныхъ разговорахъ о пареубійствѣ принималъ участіе и при нихъ присутствовалъ и подсудимый Тимофей Михайловъ. Мѣсто ли оказалось неудобнымъ или по другимъ причинамъ, но только эти разговоры перешли въ другое помѣщеніе, въ настоящую конспиративную квартиру по Троицкому пер., гдѣ хозяйкою была подсудимая Гельфманъ; здѣсь происходили разговоры. Параллельно съ этими разговорами въ другомъ мѣстѣ, намъ неизвѣстномъ, можетъ быть въ Подъяческой, можетъ быть въ той уединенной комнатѣ, въ которой своимъ научнымъ изисканіямъ предавался Кибальчичъ, происходила выработка самыхъ средствъ, самаго орудія преступленія. Нужно было много сдѣлать, нужно было выработать ихъ идею, систему снаряда, нужно было подавать технические совѣты для устройства мины и, въ то же время, заботиться и о разрушительномъ, и о спасительномъ дѣйствіи этой мины. Нужно было заботиться о минимальномъ количествѣ динамита, что бы онъ поразалъ только того, кого нужно, и не поразалъ другихъ. Эта задача лежала всецѣло на Кибальчичѣ. По этому поводу я останавливаю ваше вниманіе на довольно странномъ обстоятельстве, которое подробно изложено въ обвинительномъ актѣ, не опровергнуто подсудимыми и подтверждено при изслѣдованіи дѣла, а также показаніями на судѣ. Когда подсудимому Кибальчичу былъ предложенъ первый вопросъ о его участіи въ дѣлѣ, когда его спросили о метательныхъ снарядахъ, то онъ, прежде всего, заявилъ: „да, это мои снаряды, это моя идея, моя система, мой типъ, я, я его идея изобрѣтатель, безъ всякихъ помощниковъ, это мой секретъ, а вы знаете это типъ новый, эксперты этого типа не знаютъ, въ немъ все предусмотрено, такъ что онъ своей цѣли не достигнутъ не можетъ“. Затѣмъ прошло не много времени, пришлось перечитывать это показаніе и являет-

ся уже другая мысль. „Да, но если я сказалъ, что это идея моя, то она умретъ вмѣстѣ со мной, она никому не будетъ передана“. Тутъ явилась другое объясненіе, тутъ интересъ партіи оказались сильнѣе интересовъ научныхъ, тутъ Кибальчичемъ заговаривалъ членъ социально-революціонной партіи и явилось диаметрально-противоположное объясненіе. Помолъ разговоръ, что не я одинъ, что еще есть двое — они на свободѣ, они могутъ продолжать. Помощники были — это не подлежащее сомнѣнію, но пусть Кибальчичъ всецѣло оставитъ за собой идею изобрѣтенія и ея успѣшное дѣйствіе. Выработаны были орудія преступленія и начался, мало по маду, слагаться и опредѣленный планъ. Сначала мысль о злодѣяніи, говоритъ Рысаковъ, представлялась отдаленною еще самому, но о совершеніи злодѣянія уже думали. Нужно сплѣшить, сказалъ Желябовъ, время не терпѣть и поспѣшили. Поспѣшность сказалась во всѣхъ дѣйствіяхъ партіи и причина ея на лицо. Дѣятельность власти, осенью 1880 года, по обнаруженію членовъ партіи, въ частности террористовъ и лицъ, принадлежащихъ къ группѣ, въ которой было задумано злодѣяніе, была особенно энергична и успѣшна. Власть удалось напасть на слѣды, были произведены аресты, были арестованы многіе видные дѣятели прежнихъ террористическихъ преступленій, были задержаны Тригони и Желябовъ. Грохъ уже гремѣлъ надъ партіей, уже была протянута рука, которая была готова схватить членовъ ея, нужно было сплѣшить. Этимъ и объясняется поспѣшность, особенно сильно сказывающаяся въ томъ, что, какъ только арестовали Желябова 27-го февраля, тотчасъ же 28-го Перовская исчезаетъ, дѣлается руководительницей заговора и приводитъ его въ исполненіе, не медля ни минуты. Снаряды еще не готовы, ночь посвящается на ихъ приготовленіе. Утромъ Перовская приноситъ снаряды на квартиру въ Тельжнуй улицу и говоритъ „вотъ все, что успѣлъ сдѣлать, нужно довольствоваться и малымъ, болѣе не успѣлъ“. Я возвращаюсь къ показанію Рысакова. За полторы недѣли до 1-го марта, когда былъ крикнутъ Желябовымъ кличъ, вызвавший четверо: Рысаковъ, Михаилъ Ивановичъ, Ельниковъ, Тимофей Михайловъ и неизвѣстный Михаилъ. Вызвавшимся былъ данъ доступъ на другую конспиративную квартиру, помѣщающуюся въ Тельжнуй улицѣ. Туда они были введены Желябовымъ. Тутъ, вмѣстѣ съ Желябовымъ появился и Кибальчичъ, и здѣсь начались лекціи — я употребляю подлинное выраженіе Рысакова, лекціи Кибальчича о снарядахъ. Кибальчичъ привнесъ къ объясненію научныхъ предметовъ, мы слышали здѣсь отъ него весьма обстоятельный, весьма связный разсказъ объ этомъ, поэтому мы можемъ заключить, что и его лекціи были ясны, послѣдовательны и вразумительны. Приносились не снаряды, но отдѣльныя части его. Кибальчичъ читалъ техническія наставленія и дѣлалъ пробы. На эти пробы указываютъ предметы, найденные въ квартирѣ по Тельжнуй улицѣ: модели, осмотровыя экспертомъ Федоровымъ, берголетовая соль, колбы, реторты и записки о смѣси, которая вошла въ снаряды. Лекціи эти происходили въ квартирѣ, хозяйкою которой была подсудимая Гельфманъ. Правда, говорятъ, что она отъ лекцій уходила, но вѣдь она знала, что на нихъ преподается и какою онъ будутъ имѣть результаты. 28-го февраля, наканунѣ злодѣянія, не удовольствовавшись лекціями, участники произвели и опытъ. Отправившись, по словамъ Рысакова, далеко за городъ, подѣ Смоленскій монастырь, четверо: Рысаковъ, Кибальчичъ-техникъ, Михаилъ Ивановичъ и Тимофей Михайловъ, и здѣсь пробный снарядъ былъ брошенъ Тимофеемъ Михайловымъ. Снарядъ разорвался удачно, проба была успѣшна, участники возвратились на квартиру и стали ждать Желябова, но онъ не приходилъ, и Геси Гельфманъ сказала, что если онъ не придѣтъ, значитъ не можетъ прійти, что — нибудь его задержало, а задержало его то, что онъ былъ арестованъ. Когда, 28 февраля, сдѣлалось извѣстно объ арестѣ Желябова, были сдѣланы свѣшныя послѣднія приготовленія. Утромъ 1-го марта былъ назначенъ сборъ въ конспиративной квартирѣ. Обязанность Желябова приняла на себя Перовская. Рано утромъ Перовская привезла въ Тельжнуй улицу, какъ я уже сказалъ, два снаряда. Тогда же пріѣхалъ вскорѣ и Кибальчичъ, пригласившій ночью снаряды, и привезъ еще два снаряда. Такимъ образомъ, снарядовъ оказалось четыре, по числу участниковъ и между ними снаряды были распределены. Но предъ тѣмъ чтобы выходить на злодѣяніе, нужно было сообщить участникамъ въ точности время, мѣсто и способъ дѣйствія, нужно было нарисовать планъ, нужно было развѣстивать бойцовъ и это послѣднее дѣло приняла на себя Перовская. Съ карандашомъ въ рукѣ, на первомъ попавшемся конвертѣ, она начертила планъ, на кото-

Харьковъ. Типографія М. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 30. Главный корректоръ Л. Лившицъ. Дозволено цензурою. Харьковъ, 7 апрѣля 1881 года.